

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ (БОЙ ПРИ САЛТАНОВКЕ 11 (23) ИЮЛЯ 1812 г.)

© 2017 А.И. Попов

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г.Самара,
Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья поступила в редакцию 04.03.2017

Статья посвящена реконструкции знаменитого боя под Салтановкой, в котором отличились генерал Раевский и два его сына. В итоге оказалось, что ход боя был до неузнаваемости искажен в русских источниках (донесения генерала Багратиона), а затем и в отечественной литературе, поскольку эти авторы не знали французских документов. В результате очевидная неудача русских войск была превращена в их победу, а сам бой – в сражение.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., генерал Багратион, бой, сражение, место боя, атакующая сторона, неисполнение приказа, фальсификация.

Почти всем российским читателям и даже историкам *кажется, что они весьма хорошо осведомлены об обстоятельствах боя при Салтановке 11 (23) июля 1812 г., довольно подробно описанных в бумагах генерала Н.Н. Раевского и в воспоминаниях генерала И.Ф. Паскевича, непосредственных участников боя. Этот бой описан в любом обобщающем труде по истории той войны, но вряд ли кто-либо из читателей и даже историков заметил, что серьезные дореволюционные исследователи цитировали далеко не все высказывания о нем генерала П.И. Багратиона и начальника его штаба генерала Э.Ф. Сен-При, хотя те и побывали на поле боя. Странное обстоятельство, не правда ли?*

Для начала напомним, что, согласно русским документам, во время дневки войск 2-й Западной армии 7/19 июля у Бобруйска Багратион получил через флигель-адъютанта ротмистра С.Г. Волконского повеление императора Александра I *непрерывно идти через Могилев и Оршу на соединение с 1-й армией генерала М.Б. Барклая де Толли под Витебском. Тот же самый маршрут князь предписал в тот же день и отряду атамана М.И. Платова*¹.

Общий ход боя при Салтановке действительно хорошо известен. По приказу князя Багратиона Раевский и Паскевич *в героических, но безуспешных атаках* пытались пробиться через сильно укрепленную французами позицию. *Этот «экстракт» боя следует принять как аксиому, в отличие от сюжета о том, как Раевский якобы водил в атаку обоих своих сыновей*². Посмотрите на любую карту или схему этого боевого столкновения, и сразу станет ясным, кто же на самом деле был атакующей стороной.

В донесениях Багратиона и Сен-При императору Александру I от 13/25 июля картина *этого боя была сознательно искажена!* Грузинский князь продиктовал, а французский эмигрант продублировал на французском языке эту фальсификацию. Мы привели здесь для сравнения рапорт Раевского от 20 июля/1 августа, но его датировка *вызывает очень большие сомнения*, ибо почти невозможно понять, почему Главнокомандующий 2-й Западной армией написал донесение раньше командира одного из своих корпусов?

из рапорта Багратиона императору	из рапорта Раевского Багратиону
<p>«... Мое неперменное намерение было атаковать неприятеля при Могилеве и вытеснить оно, проложить вверенной мне армии кратчайший путь к Смоленску.</p> <p>Чтобы намерение сие привести в самое действие, в ночи 10 числа корпус под командою ген.-лейт. Раевского прибыл к Дашковке; а его авангард ... находился в <i>восьми верстах от Могилева</i>.</p>	<p>«Прибыв... к деревне Дашковка 10 числа июля месяца едва успел я расположиться со вверенным мне корпусом, как получил известие, что <i>неприятель в больших силах кавалерии и пехоты принуждает к отступлению мои аванпосты, находящиеся тогда от меня в 8-ми верстах</i> в малом расстоянии от деревни Солтановки. Я приказал им отступать и наводить на мою позицию, но <i>оной остановился при деревне Новоселках. 11 числа, получил</i></p>

Попов Андрей Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ПФ ИРИ РАН, профессор кафедры отечественной истории и археологии СГСПУ. E-mail: buonaparte9@yandex.ru

С рассветом **11 числа** неприятель большими силами начал теснить наши аванпосты и авангард, которые, отступая, наводили их на позицию ген.-лейт. Раевского. Неприятель, усиливаясь ежеминутно, предупредил Раевского, шедшего к нему с корпусом на встречу от Дашковой и атаковал оного в девять часов утра.

Неустрасимость войск, с каковою они приняли превосходного в силах неприятеля, не взирая на упорное с его стороны сопротивление, принудили неприятеля отступить. Как между тем получая новое подкрепление, усиливал паки свое нападение; но храбростью войск наших всегда быв отражаемы с большою для них потерю, наконец опрокинуты штыками и преследованы от пехоты, по неудобству действий кавалерии, до селения Новоселки прикрытого речкою и лесом за оною. На сем пункте выгодном отменно натуральным положением и укреплениями, неприятель имея пять дивизий под командою маршала Даву и генерала Мортье, остановился, как полагать должно, с намерением удержать сей единственный путь к Могилеву.

Мужество войск В.И.В. не ослабевало, и желание в военнослужителях вытеснить неприятеля из неприступной его позиции, так было сильно, что частные начальники должны были ежеминутно удерживать стремление людей.

при деревне Новоселках. **11 числа**, получив приказание... атаковать неприятеля, выступил я со вверенным мне корпусом и встретил его, идущего на меня с таковым же намерением по сию сторону деревни Новоселки... Васильчиков, командовавший моим авангардом, который в сей день оказал храбрость солдата и искусство опытного генерала, встретя его, принудил немедленно к отступлению. Тщетно он подкреплялся, но был беспрерывно опрокидыван и преследован до деревни Солтановки, где у них была позиция, природою и искусством укрепленная.

Стремление войск наших при сем преследовании было столь велико, что, несмотря на тройной картечный и перекрестный огонь и ружейный засевшего неприятеля в деревне, стрелки авангарда перебежали плотину и деревню и уже касались вершины горы, но будучи встречены превосходными силами принуждены были отступить на сию сторону пруда. Между тем, прибывши с моим корпусом к сему месту и видя невозможность форсировать неприятеля в одном сем пункте и также опасаясь, чтоб оный не атаковал меня внезапно в левый фланг, что по густоте [леса в] дефиле ему удобно сделать можно было, отрядил я... Паскевича... с 26-ю дивизиею по дороге влево, дабы он старался обойти неприятеля. Предвидение мое исполнилось, ибо он встретил его, уже идущего ко мне с сим же намерением, но... Паскевичу атаковать его и опрокинуть было единственное действие. Сражение сие продолжалось в густом лесу, так что мне сил неприятельских открыть было невозможно, почему надеялся я, что действием сего обхода я успею завладеть неприятельскою позициею, и ожидал только малейшего успеха... Паскевича, чтобы колоннами идти на штыках чрез плотину и атаковать их позицию. Между тем выгодное положение их артиллерии наносило нам много вреда, и единая храбрость и усердие российских войск могли противоборствовать сим их выгодам. Подбитые наши пушки переменялись новыми, убитые и раненые люди заменялись здоровыми и наносили большой вред неприятелю. Храбрый господин полковник Глебов с 6-м и 42-м егерскими полками удерживали место противу неприятеля, который под прикрытием своих батарей и крутизны нашего берега переходил чрез болота в большом числе и силился согнать нас с нашего

В продолжение времени неприятель *двукратно* составлял сильные колонны; и наступая храбро, усиливался принудить нас к отступлению с места сражения; но *двукратно* штыками был опрокинут, рассыпался по лесу и, прикрываясь батареями, преграждал путь к преследованию себя и истреблению.

В шесть часов по полудни, я получил *вернейшее известие, что к бывшем сем месте пяти дивизиям прибыла еще в подкрепление пехота с артиллериею и кавалерийская дивизия.* Поелику самое время сближалось уже к ночи, а к тому же видел я невозможности форсировать позицию неприятеля, и по неприступности ее и по силам непомерно превосходным; то и приказал Раевскому занять прежнюю позицию при Дашковке, оставя сильные аванпосты на месте сражения.

Восьмой корпус, прибывший довольно благовременно, не мог быть употреблен на сем пункте, ибо *местоположение пред Новоселкою так невыгодно, что седьмой корпус не имел места для действия совокупными силами, а кавалерия при оном оставалась в совершенном бездействии.*

Ген.-лейт. Раевский в моем присутствии взял направление к прежней позиции, *не был преследуем не только в сие время, но и во все продолжение нахождения его аванпостов на месте сражения, а корпуса при Дашковке; в*

места; но намерение его всегда обращалось ему во вред. Между тем... Паскевич, *два раза* опрокидывая штыками неприятеля с неимоверною храбростию, принужден был отступить к своим резервам по причине усиливающегося неприятеля непрерывными подкреплениями. Я ж, услыша при последней его атаке, что огонь наш подвигается вперед, и считая сию минуту решительною, став с... Васильчиковым и всеми мне принадлежащими штаб- и обер-офицерами в первых рядах колонны, составленной из Смоленского пехотного полка, пошел к плотине. Сей полк, отвечая всегдашней его славе, шел без выстрела с примкнутыми штыками, несмотря на сильный неприятельский огонь, с неимоверною храбростию. Но подойдя к плотине, нашел под вышеписанной крутизной сильную колонну неприятельскую. Тогда уже оставалось мне обратить мое стремление на оную. Цепь стрелков егерских, видя меня, идущего вперед, единым же движением бросилась совокупно с моей колонной на неприятельскую, которая вся тотчас была уничтожена. При сей атаке полковой командир полковник Рылеев, отличивши себя необыкновенной храбростию, получил в ногу жестокою рану, а майор Шевелев убит; находившийся при мне штабс-ротмистр Маслов тяжело ранен и упал замертво, как и многие, меня окружавшие.

Между тем, получа от... Паскевича известие, что он *по причине крепкого места, подобно моему, и превосходного неприятеля не может успеть в своем намерении; и узнав же чрез пленных, что все силы фельдмаршала Давуста и Лефевра, состоящие из 5-ти дивизий, в его личном присутствии находились тут и что ожидали ежеминутно подкреплений из 3-х дивизий под командою фельдмаршала Мортье, и, получив приказание Вашего Сиятельства по сим же причинам и по наступающему вечеру оставить сию атаку, приказал я... Васильчикову и... Паскевичу потихоньку отступить.* Неприятель, сочтя оное отступление за поражение нас, бросился с стремительностию на орудия; но вскоре был выведен из заблуждения, ибо смертию многих заплатил за сию дерзость на штыках наших. С сей минуты отступление, деланное во всем порядке, не было беспокоивоваемо, как только малым числом стрелков. Я же между тем на всякий случай, устроив сильные батареи в удобном месте при деревне Новоселках, дабы принять там неприятеля, буде он покусится меня

течении 12 числа и сколько мне кажется потому, что *неприятель, не имевший доселе ни на один шаг выигрыша, не смел оставить выгодную свою позицию и показаться в поле.*

В особенную обязанность поставляю повергнуть монаршьему воззрению беспримерную храбрость *войск 7-го корпуса, отражавших и преследовавших сильнейшего несравненно противу себя неприятеля с девяти часов утра до шести вечера. Таковой подвиг воинства российского, по единогласному показанию в плен взятых и по соображению с оставленными трупами на поле преследования, делает в войске неприятельском убитыми и ранеными более пяти тысяч человек. Потеря же с нашей стороны еще неизвестна ...»³.*

преследовать. Но сия предосторожность была лишняя, ибо он меня оставил, не доходя оной, и я отступил покойно на прежнюю мою позицию при деревне Дашковке. Единая храбрость и усердие российских войск могла избавить меня от истребления *противо толико превосходного неприятеля* и в толико невыгодном для меня месте. Я сам свидетель, как многие штаб-, обер- и унтер-офицеры, получа по две раны, перевязав оные, возвращались в сражение, как на пир. Не могу довольно похвалить храбрость и искусство артиллеристов; в сей день все были герои, чему свидетельствует *превосходная противу нашей потеря неприятеля, которая Вашему Сиятельству известна чрез многие донесения ...*

№196. Июля 20 дня 1812 года⁴.

Даже если допустить, *учитывая последнюю процитированную нами фразу рапорта Раевского*, что его датировка верна, то все равно вполне очевидно, что *корпусной командир гораздо подробнее и корректнее изложил ход событий того дня, избегая откровенных несуразностей.* Поэтому его рапорт имеет для нас приоритетное значение при сравнении. Помимо того, он хорошо коррелируется с содержанием письма, написанного Раевским генералу А. Жомини в 1822 г.⁵ Разберем эту ситуацию по пунктам.

1) Раевский пишет, что 10/22 июля его корпус прибыл к Дашковой, а его *аванпосты*, находившиеся *впереди него* в 8 в., были оттеснены до Новоселок, где противник остановился, а значит, так и не был «наведен» на его позицию при Дашковой. Из письма к Жомини выясняется, что сначала к Дашковке подошел только сам Раевский с авангардом из 4 батальонов, и через полчаса он узнал, что его «кавалерийские аванпосты», а точнее *казаки Сысоева 3-го* были «отброшены *французской пехотой*». Кстати, в послужном списке Сысоева 3-го отмечено, что в тот день он сражался «при м.Буйничи» (в 9 км от Могилева), а из наградных документов очевидно, что *на следующий день* при нем оставались только полки его имени, Андриянова 2-го и Иловайского 10-го⁶. К 19½ час. весь 7-й корпус прибыл к Дашковке. Багратион же написал, что *авангард* Раевского находился в 8 в. *от Могилева*. Маршал Л.Н. Даву сообщил, что провел рекогносцировку с остатками 3-го конно-егерского полка (это значит, что другой кавалерии под рукой не было) и «85-м линейным впереди Буйничей; я продвинул ее до Новоселок; *противник показал только кавалерию* в довольно большом числе».

2) По словам Раевского, 11/23 июля его *авангард* (4 батальона) *наступал с 8 часов утра и от-*

теснил «французские аванпосты» до Салтановки. Багратион же написал, будто с *утра неприятель большими силами теснил аванпосты и авангард* 7-го корпуса и те навели его на позицию Раевского, который «встретил его». Затем противник, «получая новое подкрепление, усиливал паки свое нападение», но был *оттеснен до Новоселок, где и происходил бой.* Все это прямо противоречит показаниям Раевского и французских источников.

3) В письме к Жомини сказано, что вечером Раевский отступил *от Салтановки к Дашковке*, оставив *арьергард* у д.Новоселки, которую противник «занял своими аванпостами». После боя, уже ночью в Дашковку «прибыли лично князь Багратион и гетман Платов». Багратион же утверждал, будто *бой происходил у Новоселок*, где Раевский оставил свои *аванпосты*. Это ложь, поскольку французы, по словам Даву, «преследовали противника до наступления ночи и *отбросили на три лье от поля боя*» [≈13 км]. По словам князя, эти же *аванпосты* и 12/24 июля «удерживали» неприятеля у Новоселок. Но в письме к Жомини сказано, что уже в 8 часов того дня Раевский получил приказ отступить к Старому Быхову и у Дашковки осталась лишь 2-я сводно-гренадерская дивизия генерала М.С. Воронцова. Французские же источники гласят, что в тот день генерал Ж.П. Фридрикс продвинулся от Салтановки к деревне, которую удалось захватить (Новоселки); русские оттуда ретировались, он видел лишь несколько казачьих ведетов.

4) В письме к Жомини Раевский сообщил: «Несколько пленных офицеров и солдат, которых я взял во время атаки, допрошенных мною, сказали мне, что там имеется три дивизии пехоты, две кирасирские и что две пехотные должны вскоре прибыть из Могилева». Не потому ли генерал так легко поверил этим рассказам, что

сам никак не мог разглядеть численность французского войска. Да и Ф.Ж. Лефевра и Э. Мортье здесь никогда не было! Последний, между прочим, еще в мае 1805 г. стал маршалом Франции, о чем Багратион просто не мог не знать, поскольку сражался с ним в ноябре-декабре того же года!

5) Более чем странно звучит аргумент Багратиона для обоснования огромных потерь противника – «по соображению с оставленными трупами на поле преследования». Кто кого преследовал в конце дня, мы теперь знаем, так что никто из русских воинов знать этого просто не мог! При этом Раевский мудро «предохранился» только фразой о потере неприятеля, «которая Вашему Сиятельству известна чрез многие донесения», то есть не из рапорта его самого, ибо сам он никак не мог этого знать.

6) Раевский расхваливал подвиги своих пехотинцев и артиллеристов, а о кавалерии вообще не упомянул. Багратион же дважды указал на бездействие кавалерии в этой лесистой местности. Вопреки этому историки до сих пор включают кавалерию в расчет противоборствующих сил, хотя это совершенно бессмысленно, поскольку ей просто негде было развернуться. Столь же странно читать надписи на мемориальных досках в часовне Салтановки, возведенной в 1914 г., где перечисляются полки 4-го кавалерийского корпуса, которые в бою не участвовали⁷. Даву с инженерным генералом Ф.Н. Аксо именно потому и выбрали эту удачную позицию, способную нейтрализовать численно превосходящую русскую кавалерию!

Как видим, буквально все в донесениях Багратиона и Сен-При перевернуто с ног на голову, ибо атаки вели именно и только русские войска, а вовсе не французские, каковые упорно оборонялись на укрепленной заранее позиции за ручьем Салтан, и лишь 2-3 раза организовывали контратаки. Столь же сумбурна и несуразна и запись в дневнике Сен-При: «7 корпус атакован французами в числе 25000 человек. Он оттесняет их на расстояние 15 верст от Могилева. Они защищаются целый день в лесу, из которого не удается их выбить».

Тот факт, что Багратион написал рапорт императору, не дожидаясь рапорта своего подчиненного, можно объяснить следующим образом. Раевский прекрасно понимал, что не выполнил приказ, отданный ему командармом, и потому тщательно обдумывал, чем же это можно было оправдать. Точно в такой же ситуации находился и Багратион, но степень его ответственности была гораздо большей – он не исполнил приказов императора и Барклая! Вот князь и поспешил хоть что-нибудь придумать в свое оправдание и «пустился во все тяжкие». У Раевского же было немного больше времени, и он не стал впадать в крайности, на всякий случай, ссылаясь на выдумки своего командарма.

В приказе по армии от 13/25 июля Багратион заявил, будто 7-й корпус вступил с неприятелем «в сражение, в котором с сродною российскому воинству неустрашимостию **знал и поражал его ... до самой глубокой ночи ... Целые колонны были истреблены нашими войсками, многократно их поражавшими штыками**». В письме к неизвестному адресату Багратион лихо заявил: «Третьего дня у меня было жаркое дело, и **потурил крепко я Даву и Мортье**. Он потерял пехоты одной 5000 человек и два полка кавалерии. Наш урон невелик – славно и мы дрались – истинно, неслыханно ... Неприятель имел под ружьем 60000, а я дрался с корпусом Раевского. Не токмо [не] уступил ему место, но прогнали 6 верст в лес. Он там остановился, я далее не пошел – там мы и разошлись».

В позднейшем донесении императору Багратион высокопарно, но несколько сумбурно написал: «Если **победа, приобретенная поражением неприятеля в 11 день июля** не столько блистательное, то почитая оную не менее достохвальною и единственною по превосходству бывших сил неприятельских, полученной им потере, по той опасности, с каковою оставался неприятель в Могилеве, и ожидая вторичного нападения, открыл нам средства к соединению [с 1-й армией], беру смелость повергнуть Высокомонаршьему воззрению отличившихся чиновников в сем деле..., испрашивая в награду отличной их храбрости и заслуг воздаяния». За «отличный подвиг войск 7-го корпуса, под командою неустрашимого и опытного г.-л. Раевского совершивший в 11 день июля» князь испрашивал ему в вознаграждение пожалования ордена св.Владимира 1-й ст.⁸

Приняли эту версию и некоторые участники войны. А.Х. Бенкендорф 1-й, например, написал, что «генерал Раевский проявил здесь всю свою отвагу, и храбрые войска под его начальством **выдерживали беспрестанно возобновляющиеся атаки неприятельских колонн**, между тем как главные силы князя Багратиона переходили Днепр и расстраивали соображения противника»⁹. Но ввести в заблуждение проницательного Александра Павловича (достойного внука Екатерины Великой) грузинскому князю, конечно же, не удалось, и из всех генералов награды удостоился только И.В. Васильчиков 1-й (орден св.Владимира 2-й ст.). «**Славный для наших войск, но бесполезный бой**» – такую суровую на первый взгляд, но объективную оценку дал ему император. Сходную оценку боя высказал и упомянутый выше флигель-адъютант Волконский: «Раевский и под начальством его войско **приобрели славу, но в исходе неудачную** ... Несмотря на все усилия начальников и храбрости войск наших, не могли вытеснить из леса французоз. Потери наши в Салтановском бою были очень значительны».

Подпоручик по квартирмейстерской части А.Н. Муравьев 1-й признавал, что атака при Салтановке, «при всей опытности и неустрашимости Раевского и храбрости войск его **была, разумеется, неудачна**», так как пробиться к Могилеву не удалось. Негативно отозвался о действиях Раевского и генерал-квартирмейстер 2-й армии М.С. Вистицкий 2-й из-за того, что тот «атаковал при Дашковке, *не обрекогносцировав места*, и даже не расспросил у генерала Сиверса, бывшего там накануне и имевшего план местности»¹⁰. Правда, на самом-то деле у Раевского, имевшего приказ во что бы то ни стало пробиться к Могилеву, просто не было времени проводить рекогносцировки, а вот его противник имел достаточно времени для отыскания и укрепления удачной позиции.

У серьезных дореволюционных российских историков хватало ума не цитировать все эти фантазии Багратиона и Сен-При. Только участник войны А.И. Михайловский-Данилевский, будущий ее историк, в 1817 г. доверчиво пересказал пропагандистскую и литературную поделку о «бессмертном подвиге» Раевского и его сыновей в «сражении под Дашковым» и затем написал: «Счастливы Раевский и Паскевич, что никто не отнимает у них славы, приобретенной ими *под Дашковым* ... Раевский слывет героем. Он командовал *под Дашковым*»¹¹. Вполне очевидно, что участник войны никогда не сможет стать ее объективным исследователем. Михайловский-Данилевский привел лишь выспренние оценки этого «бессмертного подвига», взятые из литературы, даже не понимая, что *оба генерала не выполнили приказа!* К тому же этот бой происходил вовсе не при Дашковке, а при Салтановке!

Из дореволюционных авторов наиболее объективным был М. Иностранцев. Он написал, что к началу боя у французов имелись «у Могилева, под личным начальством Даву: а) 85- и 108-й линейные полки из дивизии генерала Дессэ, под начальством генерала Фридерикс (10 батальонов), б) 57-й, 61-й и 111-й линейные полки дивизии графа Кампана (15 батальонов), в) 5-я кирасирская дивизия генерала Валанса (16 эск.), г) остатки 3-го конно-егерского полка», всего 18½ т. штыков, 3.000 сабель и 55 орудий. Но ниже он указал, что 57-й полк находился у Могилева, а 111-й в бою не участвовал, что Раевский уступал противнику в силах (?), но имел превосходство над противником в кавалерии и в артиллерии, «т.е. тех родах войск, которые, на данной местности, оказывались наименее полезными». Так зачем же нужно было включать в расчет конницу? Он доверчиво повторил мифы об участии в атаке обоих сыновей Раевского, о наличии у Даву 5 дивизий, о приближении сюда корпусов Лефевра и Мортье. Он не поверил в указанную Даву цифру французских потерь, ссылаясь на весьма сомнительное заявление Паскевича.

Историк признал неудачу всех атак Паскевича и Раевского, но парировал это тем, будто они имели приказ лишь «произвести усиленную рекогносцировку», ибо Багратион якобы заранее предвидел «возможность неудачи движения на Могилев в случае нахождения там значительных сил противника». Закончил историк свой анализ примирительной фразой о том, что «обеими сторонами... был проявлен выдающийся героизм и в этом отношении соперники оказались достойными один другого»¹². На самом же деле Багратион осознал невозможность пробиться через Могилев только в конце дня 11/23 июля.

В советские времена считавшийся высшим авторитетом в данной сфере академик Е.В. Тарле утверждал (безо всяких ссылок на источники), будто бы Багратион «приказал Раевскому **задерживать всеми силами, до последней возможности, Даву у местечка Дашковки, а сам двинулся к Новому Быхову** ... 23 июля Раевский с одним (7-м) корпусом в течение десяти часов **выдерживал при Дашковке, затем между Дашковкой и Новоселовым упорный бой с нападавшими на него пятью дивизиями корпусов Даву и Мортье...**, давая время всей армии Багратиона идти к переправе через Днепр». По словам академика, на следующий день Даву подумал, что «Багратион идет к Могилеву и примет генеральное сражение ... *Весь этот маневр Багратиона и был рассчитан на то, чтобы внушить французам мысль, что он идет к Могилеву и там примет генеральный бой*». В другом издании Тарле написал, что Багратион «отрядил Раевского, дав ему 15 тысяч человек, против Даву. 23 июля началась **битва между деревнями Дашковкой и Салтановкой. Бой**, очень упорный, продолжался с перерывами весь день и стоил французам потери 3½ тысяч, а Раевскому 2½ тысяч человек. Раевский отступил, но это **сражение** дало возможность Багратиону» переправиться через Днепр¹⁵.

Эти вымыслы Тарле показывают, насколько в действительности он был компетентен в истории войны 1812 г.! О каком «генеральном сражении» можно вообще вести речь, если друг другу противостояли не самая сильная из русских армий и еще меньшая по численности «временная группировка войск» маршала Даву? Ни о каких ложных «внушениях французам» Багратион тогда и помышлять не мог, он просто попытался исполнить приказы императора Александра и Барклая прорваться через Могилев и Оршу к Витебску на соединение с 1-й Западной армией! 2-я армия во время боя никуда не отступала, а о невозможности пробиться через Могилев князь узнал от Раевского уже после боя, когда ночью приехал в Дашковку, и только тогда он принял решение переправляться через Днепр в другом месте! Даже место боевого столкновения Тарле указал неверно (получается, что, обороняясь, Раевский оттеснил неприятеля от Дашковки к

Новоселкам?!), и в трех предложениях Тарле назвал его «битвой», «боем» и «сражением».

В советские времена донесение Багратиона от 13/25 июля публиковалось дважды, но только генерал Ф.А. Гарин без комментариев привел этот рапорт и приказ по армии Багратиона от того же числа, не задумавшись о том, что в них искажено реальное положение дел¹⁴. К сожалению, впоследствии советские историки слишком часто пренебрегали элементарным научным правилом – ссылаться на источники, исходящие от обеих сторон военного противостояния.

Вымыслы Тарле в утрированной форме повторил генерал Н.Ф. Гарнич, сочинение которого надолго останется образцом научной недобросовестности. Он заявлял, будто «Багратион распознал намерение Даву. Ему стало ясно, что Даву хочет превратить Могилев в ловушку для 2-й русской армии». Попытка уйти от маршала без боя была безнадежной, так что князю «оставалось только одно решение – нанести войскам Даву сильный отвлекающий удар. Целью этого удара было ввести в заблуждение Даву, чтобы скрыть истинные намерения Багратиона. Надо было заставить врага поверить в то, что 2-я русская армия полезла в расставленную ловушку – наступает на Могилев».

«Построенный на военной хитрости план Багратиона» состоял в том, что корпус Раевского поведет наступление на противника у Салтановки, «а 2-я армия тем временем осуществит переправу. Чтобы замаскировать переправу и предотвратить любые поиски разведки французов, казакам было приказано со всех сторон окружить войска Даву ... Несколько казачьих полков должны были изображать обход войск Даву с тыла»? 11/23 июля, «изображая широкий маневр крупных сил, в обход французских позиций пошла пехотная дивизия генерала Паскевича и Ахтырский гусарский полк ... Умело штурмуя позицию врага, русские солдаты ворвались в середину укреплений ... Но оборонявшийся противник имел в несколько раз больше сил. Русской пехоте не удалось опрокинуть густой боевой порядок французов, к которым все время подходили резервы ... Французы поверили в то, что вся 2-я русская армия Багратиона ведет наступление на Могилев ... Русская конница, все время меняя свое расположение, изображала накопление кавалерии ... Военная хитрость удалась».

Вершиной этих фантазий явилась выдумка о том, как «казаки рыскали вокруг Могилева со всех сторон. Они металась карьером и галопом по сухим дорогам и песчаным холмам в окрестностях города и поднимали большие облака пыли. Маневрируя на флангах и в тылу противника, они производили атаки и вели огонь из своих конных орудий ... Но противник был по меньшей мере в двадцать раз сильнее». А далее следует поверга-

ющая в изумление фраза: «Опрокинув французские колонны, смяв их резервы, **русские полки знали остатки врага до самой Салтановки.** Заставив маршала Даву окончательно перейти к обороне, Раевский выполнил приказ Багратиона». Заключительным аккордом повествования явилось заявление о том, будто «в сражении под Салтановкой еще раз было доказано моральное и боевое превосходство русских воинов над разноплеменными солдатами и офицерами наполеоновской армии»¹⁵. Увы, Гарнич даже не ведал, что в этом бою сражались *только французские войска*, о численности которых он и представления не имел.

Все последующие советские авторы просто повторяли версию Тарле, *даже не заглядывая в источники*. Так, авторы работы о донских казаках в войне 1812 г. заявили, будто «11 июля конница Платова участвовала в сражении в районе Могилева около Дашковки»¹⁶. Литератор А. Кривицкий написал, что 2-я армия шла на соединение с 1-й, но «*путь преграждали дивизии маршала Даву. Дорогу пришлось прокладывать железом и кровью ...* В тяжелую минуту, когда Даву бросил на его войска превосходящие силы, что-то надломилось в русском корпусе. Все его атаки захлебывались. И тогда на *центральной* участке позиции генерал Раевский, обняв своих двух сыновей», встал во главе своих полков. Русская пехота, «пораженная решимостью отца не пощадить в бою ни себя, ни своих детей», бросилась вперед, и «в непрерывных штыковых атаках *она отбросила французов. Железный Даву отступил. Раевский выполнил свою боевую задачу. Он сковал противника*»¹⁷.

К несчастью, Кривицкий даже не заметил, как допустил противоречие с самим собой. Сначала он правильно написал, что 7-й корпус пробивал себе путь к Могилеву, но все его атаки захлебывались. А далее начинаются откровенные домыслы, ибо Даву не имел превосходства в силах, никаких атак французы не вели, но только оборонялись и не уступили русским ни шагу! Так что Раевский, который, кстати, сражался вовсе не в центре позиции, а на правом фланге, *не выполнил свою боевую задачу*, так как имел приказ пробиваться вперед, а не сковывать силы противника. Вызывает возмущение заявление этого автора о том, будто Раевский решил не пощадить в бою своих сыновей – такое мог написать только фанатичный приверженец советской идеологии.

Генерал П.А. Жилин (рукою полковника И.И. Ростунова) написал, будто Раевский прибыл к Салтановке «с двумя сыновьями, чтобы они приняли непосредственное участие в бою», что у Даву было «*пять дивизий* (две из них кавалерийские)», что Багратион принял «смелое решение: **наступательными действиями пехотного корпуса Раевского сковать противника** в районе

Салтановки, чтобы обеспечить переправу главных сил армии», что «в штыковых атаках противник был отброшен и отступил к Салтановке». Но тут же он констатировал, что в результате этого боя «**пробиться через Могилев** не удалось» и лишь «поздно вечером» Багратион решил переправляться через Днепр, даже не понимая, что это прямо противоречит его предыдущим заявлениям¹⁸.

У полковника Л.Г. Бескровного краткое описание боя также весьма «туманно», ибо он заявил, будто Паскевич с помощью 4 пушек «**принудил французов отказаться от обхода. Все фронтальные атаки были также отражены артиллерийским огнем. Этим продвижение противника к Старому Быхову было задержано**». А ведь сначала он написал, что маршал Даву приготовился к обороне, а Раевский «**начал наступление** на Салтановку»¹⁹. Таким образом, логика автора вызывает серьезные сомнения. Французы и не собирались ни в тот день, ни в последующем продвигаться к Старому Быхову.

Весьма своеобразную трактовку боя дали авторы юбилейного фолианта (к 175-летию войны). По их словам, «**Багратион принимает решение идти на Могилев** и 10 (22) июля отдает приказ» Раевскому «**завязать бой с неприятелем и по возможности овладеть Могилевом**». Но войска Даву (29 тыс. чел., 56 орудий) заняли город, «**а передовые части французов продвинулись на 15 км к югу, в район деревни Салтановки. Задача хотя бы на считанные часы задержать продвижение неприятеля** и была возложена на Н.Н. Раевского. Поскольку **французы не проявляли особой активности**, Раевский утром 11 (23) июля **решил сам перейти в наступление**». Причем Раевский сам «повел пехоту в атаку. Вместе с ним находились два его сына. Старший нес знамя Смоленского полка, а младший шел рядом с отцом. В штыковых атаках противник был отброшен ... Но преодолеть сопротивление превосходящих сил противника Раевскому не удалось. Тем самым **исчезла надежда прорваться через Могилев**»²⁰. Одним словом, версия явно нелогичная, ибо французы не вели никакого наступления, а только оборонялись. Не Багратион принял решение идти на Могилев – это был приказ императора и Барклая. Раевский у этих сочинителей сначала получил приказ овладеть Могилевом, но затем по неизвестной причине его задача изменилась – «задержать продвижение неприятеля». По меньшей мере странно!

Впрочем, и после «перестройки» количество нелепостей в исторической литературе не уменьшилось, поскольку появилось множество дилетантских публикаций, авторы которых полагали, что историей можно заниматься без достаточной подготовки. Первыми по этой теме высказались авторы литературы о донском казачестве М. Астапенко и В. Левченко. Сначала они заявили, будто «в районе Могилева произо-

шел упорный и кровопролитный бой. *Пробиться не удалось, маршал Даву в конце концов занял город, но при этом понес значительные потери.* Поздно вечером в деревне Дашковке Багратион после обсуждения этого вопроса с *Платовым* и Раевским принял решение отступать к Смоленску». Спустя год эта версия обросла у авторов дополнительными подробностями: «Багратион снова остановил движение платовского корпуса, сообщив, что *намерен дать бой французам в районе Могилева. Бой этот произошел. Он отличался крайним упорством противоборствующих сторон ... Несколько раз город переходил из рук в руки, но, в конце концов, остался за французами*»²¹. Комментарии, как говорится, излишни, ибо до Могилева Раевский так и не добрался!

Затем свою лепту внес автор популярной литературы о казачестве В.И. Лесин, написавший, будто Багратион «*решил дать маршалу генеральное сражение*». Поэтому он задержал здесь корпус Платова на два дня. **Сражение это не состоялось, но произошла «битва** и, – по мнению Платова, – довольно порядочная», в которой «с обеих сторон, если не десять, то девять тысяч убитыми и ранеными пало». «*В ней, вместе с корпусом ... Раевского, отличилась бригада полковника Сысоева в составе пяти казачьих полков. Бой у Салтановки, а речь идет именно о нем, был действительно кровопролитным, хотя и скоротечным*. Потери атаман несколько преувеличил, но совсем немного»²². Вот так, бой, длившийся фактически весь день, оказался «скоротечной» битвой с большими потерями!

Автор популярной биографии Раевского сначала написал, что «*мост у плотины был основательно завален деревьями и присыпан землей. Французы крепко засели на том берегу*». Но на следующих страницах он живописал, как «ровные колонны французских пехотинцев мерно вышагивали под барабанный бой к переправе», как они вдруг «быстро перемещались по полю, сгруппировались у моста, перебежали его, а затем вновь рассыпались в цепь», и как русские пехотинцы штыками преследовали их до моста. Затем «Даву бросил к плотине свежие силы. В бой вступили дивизии генералов Дессэ и Кампана (интересно, а кто же атаковал до этого? – А.П.) ... Не мог Даву предположить, что с *его многочисленной армией* дерется лишь малочисленный корпус ... – **Мы должны сбросить русских с их укреплений**, – сказал Даву своему адъютанту ... Сюда, на подмогу, идет корпус *генерала Мортье*. Его дивизии уже на подходе. Приказываю – повести в наступление все части. **Плотина у Салтановки должна быть наша**». И далее: «В четыре часа пополудни французы пошли в большое наступление. Бесконечные колонны пехотинцев покрывали противоположный берег речушки», но в итоге Смоленский полк опрокинул численно превосходящего неприятеля. Бой при Салта-

новке этот автор поименовал «сражением», или «битвой»²³. Эта работа выдает некомпетентность автора, который даже фамилию генерала Компана написал неверно и совершенно не ведал, что Мортье был маршалом и что здесь его вообще не было.

Удивление вызывают комментарии к последней публикации писем Раевского. Их анонимные авторы поначалу верно заметили, что, исследуя письма генерала, «невозможно не остановиться на ставшем причиной не утихающих и по сей день споров о сражении под Салтановкой... Раевский писал жене об этом тяжелейшем бое». Однако даже тут они допустили путаницу в классификации этого боевого столкновения и затем уверенно заявили о большом численном превосходстве противника (Даву и Мортье), который «имел пять дивизий, т.е. был, по крайней мере, вчетверо сильнее. Несмотря на столь чувствительное численное превосходство французов, удачные действия Раевского в Салтановском сражении позволили II армии П.И. Багратиона переправиться через Днепр».

Эти высказывания анонимных комментаторов вызывают сомнения в их компетентности. Удивительно, как 5 дивизий могли превосходить 2 дивизии, «по крайней мере, вчетверо»? Так что их дальнейшие рассуждения о том, будто некий весьма сомнительный поздний документ «окончательно подтверждает, на наш взгляд, факт участия обоих сыновей генерала Раевского в этом бою» (несколькими строками выше – «в Салтановском сражении». – А.П.), в сочетании со столь же сомнительными комментариями анонимов не вызывают абсолютно никакого доверия²⁴.

М.К. Чиняков по молодости лет повторил байки советских сочинителей, добавив свои несуразности. По его словам, корпус Раевского перешел в наступление, но «Даву перекрыл своими войсками (несколько полков) мост через Днепр, ведущий к Могилеву. Перед мостом располагался овраг, в котором протекал топкий ручей. Луи Никола занял позиции наверху оврага». Атака Раевского началась в 10 час., и «пока численный перевес был на стороне Даву, но разведка доложила маршалу о приближении всей 2-й армии». «К 6 час. вечера французы отбросили Н.Н. Раевского», и к концу дня Багратион «увидел, что пробиться к Могилеву нельзя, и применил военную хитрость, обманув» маршала. 7-й корпус «оставался на виду у маршала, якобы готовясь возобновить сражение, а основные силы П.И. Багратиона тем временем перешли Днепр»²⁵.

На самом-то деле никакого моста через Днепр под Салтановкой не было, а перекрыт был мост через упомянутый ручей. Автор пишет, что численный перевес был на стороне Даву, хотя сам же указал, что у него было всего несколько полков. Французы вовсе не отбрасывали Раевского – он отступил сам, с разрешения

Багратиона. 12/24 июля под Дашковкой стоял не 7-й корпус, а дивизия Воронцова. О какой военной хитрости может идти речь, если Даву вовсе не собирался атаковать 2-ю армию? Какая разведка могла донести маршалу о приближении 2-й армии?

П.Н. Грюнберг заявил, будто Раевский при атаке «у Салтановки встретил многочисленного противника на неприступной позиции. В то время как Раевский яростно, но безуспешно атаковал позицию Даву, Багратион получил сообщение Барклая о движении его армии. Багратион сразу же превратил бой в арьергардный, так как необходимость в прорыве через Могилев отпала. В последующие дни Даву напрасно прождал русских атак, тогда как князь Багратион переправил армию через Днепр и ушел на соединение с Барклаем»²⁶. Этот автор вряд ли вообще смог бы объяснить, отчего это вдруг отпала «необходимость в прорыве через Могилев»? На самом-то деле из-за этой своей неудачи под Салтановкой Багратион сорвал план Барклая дать первое крупное сражение неприятелю под Витебском 28 июля и на целых 10 дней отсрочил соединение двух армий, не исполнив приказов императора Александра и Барклая!

В свою очередь С.А. Санеев написал, что «в сражении между деревнями Салтановкой и Дашковкой под Могилевом (в разных источниках называют то одну, то другую деревню) корпус Раевского прикрывал отступление главных сил 2-й армии, отражая натиск namного превосходящих сил французов. В какой-то момент Смоленский полк дрогнул и стал отступать ... Раевский взял за руки своих сыновей и пошел с ними в контратаку. Атака французов была отбита. Подвиг получил большую огласку в России ... Отец отрицал участие сыновей в деле под Салтановкой. В письме жене он писал, что Николай собирал ягоды в лесу». К.Н. Батюшкову генерал сказал, «что весь анекдот сочинен в Петербурге. Однако что же должен был он писать матери своих сыновей? Что он с ними пошел в атаку, под град пуль и ядер, а Александр подхватил знамя полка, выпавшее из рук убитого знаменщика? Что те самые панталоны на Николае пробиты не случайными пулями? Но об этом писала "Северная пчела". Вот он и вынужден был успокоить мать». В декабре того же года Николай был произведен в подпоручики именно за дело при Дашковке²⁷.

Данный автор явно допускает путаницу. 7-й корпус вовсе не прикрывал отступление 2-й армии, которая в то время никуда не отступала, а в безуспешных атаках пытался пробить оборону французов, которые вели только контратаки и не имели никакого численного превосходства. Он именует бой сражением и даже не знает, где точно оно проходило. Раевский отрицал только участие в атаке младшего сына Николая, в формулярном списке которого бой при Салтановке

вообще не упоминается. Автор имеет странное представление об «отцовских чувствах», так как Раевский никак не мог рисковать жизнью 10-летнего сына. А что бы он написал своей супруге, если бы с мальчишкой, не приведи Господь, случилось что-нибудь плохое? Даже название петербургского печатного издания данный автор перепутал, ибо это была «Северная почта». Санеев некритически доверяет всей печатной продукции, выходящей из-под пера столичных авторов.²⁸

И. Ульянов назвал этот бой «сражением» и повторил штамп о том, будто бы это «сражение принесло несомненную стратегическую выгоду армии Багратиона, которая смогла оторваться от корпуса Даву и двинуться на соединение с 1-й Западной армией»²⁹. В этом штампе 200-летней давности замалчивается тот факт, что Даву имел под своей командой вовсе не весь свой корпус, а лишь «временную группировку войск», что Багратион уже давно имел приказ соединиться с 1-й армией, а Даву этому воспрепятствовал – не позволил князю пройти через Могилев и Оршу.

Ю.Л. Епанчин справедливо отверг трактовки этого боя Гарничем, Ростуновым и Бескровным, но сам упорно именовал его «первым сражением в этой войне», каковым он вовсе не являлся. Через статью Епанчина даже в последнюю Энциклопедию попала выдумка Багратиона о том, будто войска Раевского «в сражении под Салтановкой 11 июля задержали наступление войск маршала Л.Н. Даву и обеспечили отход 2-й Западной армии к Смоленску»³⁰. К сожалению, при редактировании этого издания данная статья оказалась вне «сферы нашего влияния».

Рассказы Багратиона о большом численном превосходстве французов, много раз повторенные отечественными историками и сочинителями, давно уже следовало отбросить, если бы они смогли прочитать французские источники! На самом же деле *две русские дивизии безуспешно атаковали два французских полка!* Правда, что это были за полки! Фактически по численности они равнялись бригадам, ибо 85-й и 108-й линейные полки имели по 3½ тыс. чел., и не случайно каждым из них командовал бригадный генерал. Лишь позднее в дело был введен 61-й линейный полк (3½ тыс. чел.), а в неспешном преследовании участвовали 61-й и 111-й линейные полки (последний вообще потерь не имел) и 2 эскадрона конных егерей. Так что *никакого численного превосходства у французов вообще не было, а была лишь очень удачно выбранная ими позиция!*

Вопреки утверждениям Багратиона и принявших его версию историков реальные потери сторон известны достаточно точно. Раевский определил свои потери убитыми и ранеными в 2548 чел. либо в 2909 чел., из которых французы нашли потом на поле боя от 800 до 900 убитых и 500 раненых. Даву сообщил о своих потерях: 120

убитых, 800 с лишним раненых и 29 пленных из 108-го полка (Паскевич доведет последнюю цифру до 500 чел.). Самая задезованная в бою 4-я дивизия генерала Ж.М. Дессэ потеряла в целом 942 чел., причем особенно пострадал 108-й полк, атакованный Паскевичем; неслучайно, что именно на помощь ему пришлось выдвинуть 61-й полк 5-й дивизии³¹.

II) Следующий вымысел Багратиона, повторенный Сен-При, касается последствий боя. Эта мысль впервые проскользнула в их рапортах от 13/25 июля. Свое донесение Багратион завершил словами: «Предупрежден быв усилившимся *неприятелем* в Могилеве и *укрепившимся при Новоселке*, удостоверяясь в весьма трудном и едва возможном походе к оному без значительной потери, как равно и в том, что *превосходство его сил получает ежеминутно новое подкрепление от стороны Минска*, и что усиливаясь походом чрез Новоселку и укрепленную *переправу и ворота в Могилеве*, должен я неизбежно, вопреки *Высочайшего повеления В.И.В.*, иметь *решительный бой с сильнейшим себя неприятелем*. ... Я *принужденным* нашелся *переменить опять мое направление*, и *удерживая чрез 12 число все силы неприятеля при Новоселке*, *ожидавшего без сомнения нашего усилия пройти в Могилев*, дал сем случай ... Платову выйти на Смоленскую дорогу», то есть на соединение с 1-й армией. Дублируя выражения Багратиона, Сен-При 16/28 июля написал полковнику А.А. Закревскому: «Мы не идем, но летим к армии, хотя кружно, но верно; *неприятели в Могилеве и уверены движением Платова, что мы хотим их атаковать*». Совершенно непонятно, каким образом появление *казачьих партий* на противоположном берегу Днепра могло внушить противнику такую мысль?! Французы вовсе не укреплялись в Новоселках – там располагались только их аванпосты!

17/29 июля Багратион сообщил императору, что его аванпосты «доносят, что неприятель ... в партиях нигде не показывается по дорогам общей и частным к Смоленску, а посылаемые мною лазутчики, разного состояния люди и некоторые помещики, вышедшие из Могилева, удостоверяют, что *после поражения неприятеля в 11 день июля ... стянул все свои силы к Могилеву, укрепляется в оном*». Как видим, князь, ничтоже сумняшеся, приписал себе победу в бою при Салтановке и поверил рассказам, будто Даву укрепляется в городе. Тогда же Багратион написал Барклаю: «Неприятель, будучи *остановлен* нападением генерал-лейтенанта Раевского» при Салтановке, «*остался в уверенности, что имел я намерение атаковать его с левого берега Днепра, укрепился в Могилеве* и дал мне чрез то время дойти до того пункта, откуда сообщение мое ... с 1-ю армиею уже верно».

18/30 июля Сен-При написал Закревскому: «*Дело наше 11-го числа* и марш наш на Пропойск

ошеломили Даву таким образом, что он ни с места не пошел»⁵². Паскевич развил эту идею в воспоминаниях: у Дашковки «мы оставались целый день 12-го июля ... Неприятель не показывался». «Этим обязаны мы делу под Салтановкой. Маршал Даву хотя и получил в подкрепление в ночь после сражения весь свой корпус, но не выступал из Могилева и укрепил его вскопанными батареями. Сражение под Могилевом произвело на него большое влияние». Русские войска «держались целый день на позиции, и мужество их имело то счастливое последствие, что неприятель заперся в Могилеве, начал окапываться и не предупредил нас в Мстиславле».

Этот вымысел Багратиона повторил в воспоминаниях и генерал А.П. Ермолов, доверчиво написавший, будто после боя Даву ожидал «генерального сражения, отошел к главным своим силам в Могилев, где и остался, приуговорясь к обороне»⁵³. Все эти высказывания российских генералов свидетельствуют лишь о том, что они совершенно ничего не знали о намерениях и действиях своего противника. Но все отечественные историки бездумно ретранслировали эти заявления!

Михайловский-Данилевский написал, что за свое «беспрепятственное движение обязан был князь Багратион делу под Салтановкой. Хотя ночью, после сражения, пришли к Даву остальные войска его сводного корпуса, отчего у него было около 40000 человек, а на следующий день соединился с ним корпус Понятовского, около 20000, но он не выступал из Могилева и укрепил его вскопанными батареями, бив в полной уверенности, что князь Багратион станет опять нападать»⁵⁴. Можно только поражаться неосведомленности официального историка! Никаких «вскопанных батарей» в городе не возводилось, на другой день после боя к Даву подошли вовсе не все войска его сводного корпуса, а корпус Понятовского прибывает в Могилев лишь 16/28 июля!

Иностранцев также поверил Багратиону и написал, что «корпус Раевского, усиленный сводною гренадерскою дивизиею Воронцова, получил приказание оставаться все 12-го июля у Дашковки»; но это противоречит словам самого Раевского. Далее историк пишет, что «по плану Багратиона, пребывание 7-го корпуса у Дашковки, в связи с появлением значительных сил казаков Платова, на левом берегу Днепра, против Могилева, должно было привлечь на себя внимание Даву и создать у него представление о намерении 2-й армии вновь повторить атаку». Далее он пишет, что Платов переправился через Днепр у Ворколабова около полудня, и им «были высланы сильные партии казаков к стороне Днепра между Могилевым и Дашковкой, которыми было выяснено занятие сторожевыми постами противника всего правого берега реки»⁵⁵. Однако выяснить это обстоятельство казаки могли лишь к концу дня, и на французов их появление

не произвело почти никакого впечатления судя по письму маршала Даву генералу Э. Груши.

Упомянутый выше Епанчин даже выстроил цепочку рассуждений по этому поводу: «Представляет интерес вопрос: почему Л.Н. Даву в дальнейшем не преследовал войска 2-й армии, позволив им спокойно переправиться на левый берег Днепра у Нового Быхова? А ведь он располагал достаточным количеством времени для активных действий, поскольку почти вся 2-я армия находилась на правом берегу еще 2-3 дня. Конечно, Даву не был простаком. Но он постоянно колебался между двумя поставленными Наполеоном задачами: или разбить армию Багратиона, или, по крайней мере, не пустить ее в Витебск на подкрепление Барклая. И в том, что Даву в конце концов избрал второй, более легкий путь, начав укреплять Могилев, вместо того, чтобы вести активные действия, есть немалая заслуга стремительного натиска корпуса Раевского на салтановские укрепления и его твердого отпора ответным выпадам противника»⁵⁶.

Вот к каким необоснованным допущениям привела доверчивость автора к русским источникам и полнейшее незнание им источников иностранных. Никогда перед Даву не ставилась задача разгромить 2-ю армию, так как сил для этого у него было недостаточно, но только не допустить ее соединения с 1-й армией, тем более что Наполеон даже точно не знал, сколько дивизий было в армии Багратиона, и постоянно требовал от маршала уточнить ее состав. Вряд ли Епанчин имеет хоть какое-нибудь представление об укреплениях в Могилеве.

На самом же деле 12/24 июля Даву, ожидая нового нападения армии Багратиона, численность которой он несколько преувеличивал, простоял на месте. Он осмотрел поле боя при Салтановке, после чего написал: «Этим утром я разглядел поле боя в мельчайших деталях: там имеется от 700 до 800 убитых русских и более 100 французов», «в двух своих полках, единственных войсках, которые были задействованы!» «Войска, сражавшиеся против нас можно рассматривать, как почти уничтоженные, поскольку они имели вышедшими из строя до трети своих людей, кроме кавалерии, которая не проявилась».

Генералу Валансу Даву сообщил, что русские могут выйти из леса у д.Селец. Это маловероятно после вчерашнего боя, но следует принять меры предосторожности. Валанс должен отправить 200-300 кавалеристов наблюдать местность на дистанции между Сельцом и Застенком и при первом же выстреле посадить кавалеристов на коней. Генералу Компану Даву велел как можно быстрее выдвинуться к юго-западу от Сельца, чтобы прикрыть правый фланг 85-го полка, наблюдающего за всеми выходами из леса. Компан должен был связать свои посты с постами 85-го полка, и, поскольку русские могли начать насту-

пление на правом фланге французов, генерал разместит в первой линии 111-й полк, во второй – 61-й полк. 57-й полк по-прежнему оставался в Могилеве.

Генерал Дессэ охранял свою прежнюю позицию со 108-м и 85-м полками до Сельца включительно. Генерал Фридрикс продвинулся на юг до деревни Новоселки; русские оттуда ретировались, оставив лишь несколько казачьих ведетов. Только что подошедшие Легион Вислы генерала М. Клапареда и 12-фунтовая батарея выдвигались из Могилева на 1 км до перекрестка с дорогой, которая вела в Застенок (на карте у М.И. Богдановича эта дивизия изображена на поле боя *предыдущего дня*). Кавалерия генерала Э. Бордесуля направлялась к д.Селец. Генерал К. Пажоль получил приказ занять позицию к юго-западу от Могилева, на правом фланге группировки Даву.

Генералу Груши Даву направил два письма, написанные *на поле боя при Могилеве*. Он сообщил, что партии казаков, появившиеся напротив Шклова и Могилева, принадлежат к корпусу Платова. Во втором письме Даву сообщил: «Я сражался и вынудил армию князя Багратиона направиться вправо и отказаться от намерения пройти через Могилев». Груши получит эти два письма на следующий день, после чего доложит Наполеону, что маршал «не сообщает более ничего ни о каком новом бое»; стало очевидно, что Багратион «отказался от надежды перейти Днепр в Могилеве»³⁷.

Следовательно, Даву в тот день остался на прежней позиции, а не отступил к Могилеву, но маршал вовсе не бездействовал. Полагая позицию при Салтановке непреодолимой для русских, он опасался только обхода ими своего правого фланга, но никаких следов такого маневра в течение дня обнаружено не было. К концу дня маршал окончательно убедился, что Багратион отступил к югу. Нет никаких доказательств того, что Могилев в это время укреплялся, да и зачем нужно было это делать, если к концу дня маршалу стало совершенно ясно, что армия Багратиона отступила к югу?

III) Стремясь всячески преувеличить перед императором Александром значение дела при Салтановке, «чудесным образом» превращая его из кровопролитного, но *безрезультатного боя* в «жестокое сражение» и в свою «победу», Багратион позже задним числом добавил в свою версию и третий «аргумент». «Платов, – написал он, – *отправленный мною в соединение к 1-й армии, проходя свободно в виду разъездных партий из французских войск*, дал причину удостовериться неприятелю, что он будет атакован в Могилеве с обеих сторон. И маршал Даву, несравненно сильный противу меня числом войск, и того более неприступными позициями, требовал от Наполеона сикурсу, имея в то же

время подкрепление от короля Вестфальского. Появление моих разъездных партий вблизи таковых неприятельских околов Могилева из регулярных и иррегулярных войск, и более удостоверило неприятеля в намерении моем вытеснить его из Могилева. Как я, пользуясь таковым замешательством, успел выиграть время и достигнуть Мстиславля, отколь мое соединение столь же было верно уже, как ныне совершившееся у Смоленска».

Эту версию князя пересказал и Ермолов, заявивший, будто в состоянии бездействия маршала «долгое время удерживал ... атаман Платов, появившийся со своими войсками у самых окопов Могилева ... Грубая ошибка Даву была причиной соединения наших армий». В оправдание своего долгого отсутствия в 1-й армии Платов приводил «четыре дела довольно кровопролитные и ... неподвижность маршала Даву». Михайловский-Данилевский лихо заявил, что «пять дней не трогался Даву из Могилева и был в большом затруднении собирать известия о настоящем направлении князя Багратиона, потому что Платов, обратясь от Быхова на Чаусы и Горки, наводил казаками все окрестности Могилева, отчего Даву не мог получать сведений, куда девалась 2-я армия»³⁸.

Буквально все в этих заявлениях не выдерживает критики, поскольку Платов высылал упомянутые партии *не вследствие каких-либо инструкций Багратиона, но сугубо по собственной инициативе*, что очевидно из его донесений. Казаки появились напротив Могилева *только один раз* – 14/26 июля, и только в тот день в Горках Платов узнал, что «неприятель, состоящий в небольшом числе, находится в городе Шклове, местечке Копысе и городе Орше», и выслал туда три партии казаков, которые совершили свои налеты 15/27 июля. Никаких «партий из регулярных войск» из армии Багратиона здесь тогда не было.

С каких это «обеих сторон» Даву мог быть атакован при Могилеве? Багратион даже не знал, что Жером Бонапарт давно уже уехал из армии. Никакой помощи у Наполеона Даву в тот момент не просил. У каких таких «окопов Могилева» мог оказаться Платов, двигавшийся по другому берегу Днепра? С 20 июля в городе постоянно находился 57-й линейный полк генерала Ф.А. Теста; неслучайно в своих воспоминаниях этот генерал всего одной строкой упомянул о «довольно оживленном бое при Султановке». Солдаты Теста охраняли *мост, паром и тет-де-пон*. Лишь 31 июля Даву ретранслирует генералу Ю. Понятовскому пожелание Наполеона *расширить тет-де-пон* в Могилеве.

Богданович написал, что «в продолжение времени этих движений князя Багратиона и Платова, Даву, несмотря на присоединившиеся к нему подкрепления, *не осмелился пере-*

правиться через Днепр, из опасения попасть в средину между нашими Западными армиями. Такая осторожность опытного воина была необходимым следствием ослабления его войск, под влиянием тех же самых неблагоприятных обстоятельств, которые истощили прочие войска Наполеона. Вместо ста тысяч человек, состоявших при переходе через русские границы, в тех частях войск, кои были направлены к Днепру, Даву мог собрать на сей реке не более семидесяти тысяч»³⁹. Историк, не знавший многих французских документов, к тому времени еще не опубликованных, помимо того совершил здесь подмену понятий. Неужели он не знал, что группировка Даву была всего лишь «временным оперативным соединением», спонтанно образованным из войск различных корпусов, а затем, из-за самоустранения короля Жерома, преобразованным в новый правый фланг Великой армии. Поэтому приведенные им подсчеты оказываются попросту неуместными.

А.И. Сапожников отметил, что «Ермолов и Чуйкевич утверждали, что разведывательные рейды на Шклов, Копыс ... и Оршу имели большое значение и дали армиям возможность соединиться. Даву, опередивший Багратиона в Могилеве, не успел сделать этого в Смоленске. Однако причина в том, что 16 июля Наполеон решил дать своей армии отдых, остановив ее на линии Витебск - Могилев. Казачьи поиски, из которых удачным был только один - на Шклов, - не могли бы остановить продвижение группировки войск Даву, если бы оно продолжалось»⁴⁰. В целом мы согласны с этим суждением, но с одним строгим замечанием - *приказы Наполеона недопустимо датировать старым стилем!*

На самом же деле маршал Даву не мог так долго покинуть Могилев не из-за трех названных Багратионом причин, а потому, что он не имел права оставлять без прикрытия этот город, являвшийся крайней точкой на правом фланге центральной группировки Великой армии. 26 июля маршал написал князю Понятовскому, что для того, чтобы помешать соединению армий Барклая и Багратиона, «я должен дебушировать по мосту в Могилеве; но чтобы произвести это движение, необходимо, чтобы ваше сиятельство были в Могилеве, чтобы сменить меня». Тогда же маршал сообщил генералу Груши, что завтра в город должен прибыть Понятовский. Но лишь 28 июля Даву и Тест смогут оставить город, куда через несколько часов прибудет Понятовский⁴¹.

Общий вывод нашей статьи очевиден - историкам необходимо знать показания источников, исходящих от обеих противоборствующих сторон, чтобы не допускать описанных выше ошибок и необоснованных утверждений, и непременно оставаться объективными.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба. Т. XIV. СПб., 1910. С. 69, 80 (далее - ВУА).
- ² Эта история была опубликована через 20 дней в Петербурге, см.: Северная почта. № 61. 31 июля 1812 г. Описав «бессмертный подвиг сей», А.И. Михайловский-Данилевский 2/14 сентября 1817 г. заметил, что он «был бы, вероятно, как и многие другие, забыт, если бы Жуковский не упомянул его в «Певце во стане русских воинов». *Прекрасное назначение стихотворства, когда оно заменяет историю!*» (Из воспоминаний Михайловского-Данилевского // РС. Т. 90. 1897. С. 465-466). Не совсем ясно, как будущий историк понимал смысл своей последней, выделенной нами фразы? Ибо на самом-то деле произошла подмена объективного исторического анализа пропагандистской и литературной фантазией! Выражаем искреннюю признательность И.С. Тихонову за предоставление нам этой публикации!
- ³ ВУА. Т. XIV. С. 117-119, 122-123.
- ⁴ Отчизну обняла кровавая забота... Рукописное наследие Отечественной войны 1812 года в собраниях Пушкинского дома. СПб., 2012. С. 235-236. Выражаем искреннюю благодарность И.С. Тихонову за предоставление нам этого документа!
- ⁵ Lettre du général Raeffskoï à Jomini // *Fabry G. Campagne de Russie. 1812. T. IV. Paris, 1903. Annexe. P. 66-68.*
- ⁶ Сапожников А.И. Войско донское в Отечественной войне 1812 года. М.-СПб., 2012. С. 154, 807.
- ⁷ Лукашевич А.М. Памятники и памятные места 1812 года в Беларуси. Минск, 2012. С. 95-96.
- ⁸ ВУА. Т. XIV. С. 114, 117-119, 122-123, Т. XVIII. С. 217-218; Генерал Багратион. Сб. документов и материалов. М., 1945. С. 208-212; К чести России. Из частной переписки 1812 года. М., 1988. С. 51; Дневник Сен-При // *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. I. С. 143-144.
- ⁹ Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война... М., 2001. С. 40.
- ¹⁰ Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 200; Муравьев А.Н. Что видел, чувствовал и слышал // *России двинулись сыны...* М., 1988. С. 282; *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях... С. 184.
- ¹¹ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского (1817 год) // РС. Т. 90. 1897. С. 465-467.
- ¹² *Иностранцев М.* Отечественная война 1812 г.: Операции 2-й Западной армии князя Багратиона: От начала войны до Смоленска. СПб., 1914. С. 332-333, 336-337, 343-346, 351-354.
- ¹³ *Тарле Е.* Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938. С. 79; *Он же.* 1812 год. М., 1994. С. 92-93.
- ¹⁴ Генерал Багратион... С. 208-212; Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947. С. 324-326; *Гарин Ф.А.* Изгнание Наполеона. М., 1948. С. 88-91.
- ¹⁵ *Гарнич Н.Ф.* 1812 год. Изд. 2-е. М., 1956. С. 74-76; *Окунь С.Б.* История СССР. Ч. 2. Л., 1976. С. 17.
- ¹⁶ *Пронштейн А.П., Чеботарев Б.В.* Донские казаки в Отечественной войне 1812 г. // ВИ. 1962. № 9. С. 36.
- ¹⁷ *Кривицкий А.* Отголоски минувшего // Знамя. 1979. № 6. С. 138.
- ¹⁸ *Жилин П.А.* Гибель наполеоновской армии в Рос-

- сии. Изд. 2-е. М., 1974. С.112-113.
- ¹⁹ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С.301-302.
- ²⁰ Бородино. 1812. М., 1987. С.46-48.
- ²¹ Астапенко М., Левченко В. М.И. Платов // Герои 1812 года. М., 1987. С.89; *Они же*. Атаман Платов: Жизнеописание. М., 1988. С.89.
- ²² Лесин В. Бунтари и воины: Очерки истории донского казачества. Ростов н/Д., 1997. С.259.
- ²³ Ковалев К. Н.Н. Раевский // Герои 1812 года. М., 1987. С.152-157.
- ²⁴ 1812-1814: Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии: Из собр. Гос. ист. музея. М., 1992. С.209-210.
- ²⁵ Чиняков М.К. Маршал империи Л.Н. Даву в Отечественной войне 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 1999. С.49.
- ²⁶ Записки Бенкендорфа... (примечания П.Н. Грюнберга). С.94. Прим. 21.
- ²⁷ Санеев С.А. «Век служи Раевский с нами, мы с тобою и штыками опрокинем свет»... // ВИЖ. 2004. №6. С.68.
- ²⁸ О некритическом отношении советских авторов к литературной и изобразительной продукции петербургских писателей и художников см.: Попов А.И. Об итогах и перспективах изучения войны 1812 г. // Отечественная война 1812 года и российская провинция... Малоярославец, 2009. С.14-17.
- ²⁹ Ульянов И.Э. 1812. Русская пехота в бою. М., 2008. С.125.
- ³⁰ Епанчин Ю.Л. Дым боев, очаг домашний. Жизнь и судьба генерала Н.Н. Раевского. Смоленск, 2008. С.42, 44; *Он же*. Раевский Н.Н // Отечественная война 1812 года и Освободительный поход русской армии 1813-1814 годов. Энциклопедия. Т.3. М., 2012. С.189.
- ³¹ *Fabry*. Op. cit. II. 142, 145; IV. Ann.68; V. 217-219; *Dessaix, Folliet*. Op. cit. 239, 242; 1812-1814. С. 215, 224.
- ³² ВУА. Т.XIV. С.119, 123, 160; *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях... С.144-145; Генерал Багратион... С.212-213; Письма графа Э.Ф. Сен-При А.А. Закревскому // Эпоха 1812 года. Источники. Исследования. Историография. М., 2015. С.356, 357.
- ³³ ВУА. Т.XVIII. С.217, 228; *Паскевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях... С.89; Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С.137; *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008. С.118; *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. Т.1. СПб., 1859. С.217; *Харкевич В.И.* Война 1812 года. От Немана до Смоленска. Вильна, 1901. С.235.
- ³⁴ *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С.118.
- ³⁵ *Иностранцев М.* Указ. соч. С.354-356.
- ³⁶ *Епанчин Ю.Л.* Дым боев, очаг домашний... С.46.
- ³⁷ *Fabry G.* Campagne de Russie. 1812: Operations militaires. Т.II. Paris, 1900. P.159, 170-171, 195; Т.IV. Paris, 1903. P.68; Т.V. Paris, 1903. P.220-222; *Kukiel M.* Op. cit. Т.I. S.443.
- ³⁸ ВУА. Т.XIV. С.128, 157; Т.XVIII. С.217; Записки А.П. Ермолова... С.137; *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С.118.
- ³⁹ *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. Т.1. СПб., 1859. С.218.
- ⁴⁰ *Сапожников А.И.* Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М., СПб., 2012. С.157-158.
- ⁴¹ *Fabry*. Op. cit. Т.II. P.246, 316; Т.V. P.230.

UNKNOWN ABOUT WELL-KNOWN (THE COMBAT OF SALTANOVKA 11 (23) JULY 1812)

© 2017 A.I. Popov

Volga Region Branch of Institute of Russian History of the RAS, Samara,
Samara State University of Social Sciences and Education

The article is devoted to the historical reconstruction of the famous combat of Saltanovka where General Nicolas Raevsky and his sons played a remarkable role. The author argues that the very course of the combat had been misrepresented in Russian sources (primarily, in the relations by prince Bagration), and later, in the Russian historiography, because the Russian authors have not paid attention to the French sources. As a result, the obvious defeat of the Russian troops has been transformed into their victory, and the combat itself has been presented as a large battle.

Keywords: Patriotic War of 1812, General Piotr Bagration, combat, battle, battlefield, attacking side, obeying of order, falsification.

Andrei Popov, Doctor of History, Leading Research Fellow, Volga Region Branch of Institute of Russian History of the RAS; Professor, Russian History and Archaeology Department, Samara State University of Social Sciences and Education. E-mail: buonaparte9@yandex.ru